

БОРИСЪ КУШНЕРЪ

ТАВРО ВЗДОХОВЪ

ПОЭМА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО АВЕНТЮРА
МОСКВА 1915.

оик
фут.



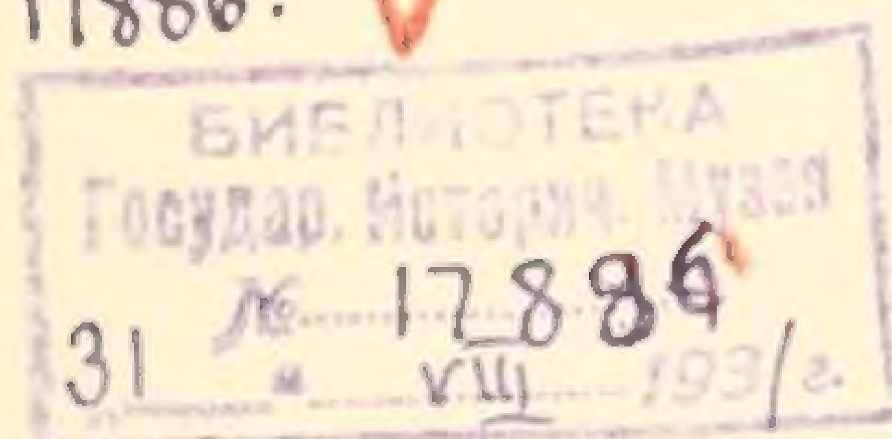
БОРИСЪ КУШНЕРЪ

ТАВРО ВЗДОХОВЪ

ПОЭМА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО АВЕНТЮРА
МОСКВА 1915.

Заставка и марка работа М. Синяковой.





Берегись! Берегись! Надъ бургосскимъ путемъ
Сидитъ одинъ черный монахъ;
Онъ бормочетъ молитву во мракѣ ночномъ,
Панихиду о прошлыхъ годахъ.

Лермонтовъ.

ПРОЛОГЪ КЪ ПРОЛОГУ.

Изъ прокушенной чаши хлѣбосоломъ пороши
Никнетъ часъ, нараспѣвъ часовой.
Въ лезвіяхъ занесутъ къ намъ червонныя ноши,
За лезгинкою повѣсти стопчутъ калоши
Въ лунный лязгъ хороводъ угловой.
Гдѣ, на полость медвѣжью занесены вьюгой,
Лыжи вьючатъ утюжнымъ наборомъ лишай,
За развѣнчаннымъ другомъ неуемной подругой
Поспѣшай, не забудь, добрый путь, поспѣшай!
Рокъ оленій съ вѣтвей не раскаплетъ подъ иней,
Троекратно въ разрывъ изувѣченный рогъ.
На колѣняхъ пурги въ безколейной пустынѣ
Не остынетъ Онега въ снѣгахъ лопарей.
Черепашьи снесутъ поколѣнья изнанки,
Скоморохъ разминетъ бакалейный лотокъ,
Пробѣгутъ изъ предѣла въ предѣлъ обезьянки,
Турмалинное солнце на росахъ медвянки
Заласкаетъ и броситъ любовь полонянки.
На востокъ заграничный товаръ, на востокъ!

ПРОЛОГЪ.

Витрины звенѣли хрустальнымъ гобоемъ,
И даже ручные сбѣжали полудни!
Должно быть въ тотъ вечеръ надъ дальней Невою
Рождалось изъ тучи холодное чудо.

Гремѣли надъ моремъ разбитыя груды,
И море имъ всѣмъ отдалось синевою;
Къ намъ въ окна ломились багровые студни,
Чугунныя руки равняли насъ строемъ.

И вотъ разбѣжались въ сланцахъ ротозѣи,
Отъ дымной опары сверкали копыта.
Не пыткой ли намъ съ каланчи угрожали,
Когда мы визжали: Осанна, осанна!

Мы знали—отъ Новой Земли до Лимана
Плугами изъ боли, цѣпами изъ стали
Вся почва повально и тяжко изрыта
Подъ новыя весны, подъ новыя тали.

И въ маркихъ обманкахъ слились ротозѣи,
Сошлись на послѣднiй привалъ!

Глотая усталые хлопья,
Не въ послѣднiй ли разъ зимовалъ
Я въ удольяхъ за угольной копью?
Тамъ за маковкой склонныхъ оградъ
Ни маковой даже росинки
Не отвѣялъ на ветошномъ рынкѣ
Дней ускользнувшихъ пассатъ.

Пронесся мимо, какъ на пожаръ вѣстовой,
Праздничный полдень въ зеленой каскѣ.
И вѣско забили болты мостовой
По чалымъ буднямъ въ телѣжной тряскѣ...

Сучитъ и вянетъ ужимка...
А завтра, а завтра
Сугубая стража въ бойницахъ замка
О свадьбѣ узнаетъ изъ клочьевъ костра.
И будетъ свадьба на глыбахъ простора,
На влажныхъ гребняхъ,
Подъ фаготы уютныхъ заборовъ,

Подъ качанье проточенныхъ стеблей,
Въ аллеяхъ сквозныхъ тополей.
Вонзая осколки занозы
По времени считанныхъ случекъ,
Намъ не случится съ упитанныхъ лозъ
Надломить усталый сучекъ.

На противнѣ сальномъ и на поду
Красныхъ дней, истопленныхъ жарко,
Обносили небрежной чаркой
Именитую гостью бѣду.
Бѣсятся нелегкія спеси,
Никнутъ теплыя выси,
Браги блестятъ о бреги;
И на бурунѣ чреватомъ
Выходятъ литые ковчеги
Съ тяжкимъ своимъ вожатымъ.
Брачныя стелютъ кровати,
Бранные рубятъ помосты—
Кушайте—званые тати,
Здравствуйте, во время гости!

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Гложетъ темный черепокъ
Надъ туманомъ жесткій ворохъ,
Зыбко дремлетъ поплавокъ—
Въ морѣ рыбій сонъ не дологъ.

Катитъ черный лизоблюдъ
На чалму чадру густую,
По степнымъ пескамъ верблюдъ
Раскачалъ спину крутую.

Бровью черной нижетъ ровъ,
Кочковѣетъ въ небѣ точка,
Голубыхъ слѣпыхъ коровъ
Развернулась оболочка.

Заходи скорѣй въ шатеръ,
Побратимъ хрусталой смерти.
На лазоревомъ конвертѣ
Адресъ—смерти волонтеръ

Кровенъ платъ въ огнистыхъ слизяхъ,
Не размѣнною монетой
Въ позументъ беззубыхъ ноженъ
Никнетъ скважень пистолета.
Будь гораздо остороженъ—
Выдь проворно весь въ заплатахъ,
Встань, не дрогнувъ, на запятахъ,
Поклонись на грозный Западъ,
Помолись на черный Сѣверъ—
Будетъ страхъ родной твой деверь,
Благосклоненъ будетъ выпадъ.
Часъ твой истый не уроченъ,
Гробъ не плотно заколоченъ,
Для тебя средь навьихъ лозъ
Не разведенъ перевозъ.
Сбилъ заставы твой ровесникъ,
Пику выкинулъ впередъ
И не пикнувъ черный вѣстникъ
Навзничь легъ за очеретъ.
Жарокъ день въ жупанѣ красномъ,
Полновѣсною монетой
Молотилъ снопы подъ Красномъ
Чертовъ шкворень пулеметовъ.

Склонясь на бѣлый изоляторъ,
Оплавя вольты проводовъ,
Извнѣ крылатый аллигаторъ
Щекочетъ гребни городовъ.

По срѣзу спущенной шрапнели,
На фортъ, на фронтъ, сорвавъ устой,
Скользнули легкія качели
Доской двускатной и литой.

Въ полозьяхъ четкаго удара,
Упавъ на вогнутый агатъ—
Надземной вольности тіара—
Шумитъ и никнетъ аппаратъ.

Сличивъ возвратные тараны,
Не уравнявъ внезапный кренъ,
Ты внялъ салютъ смертельной раны
Какъ подобающій размѣнъ.

И аллигаторъ надъ рѣкой
Ужъ не полнитъ двойной фарватеръ—
Затихъ прожорливый мокой,
Шестнадцатидюймовый кратеръ.

Полно, намъ вечеръ безполый не дорогъ,
Даромъ рубцовъ насовали въ прожоры—
Даже съ мороза зловонный опорокъ
Стащутъ въ Лоскутную гиблые воры.

Полдни ковали султанами топокъ:
„Каждому дневи довлѣетъ забота!“

Дни ликовали за скупленный хлопокъ,
Сводни рядили въ шелка санкюлота.

Навѣчно угрюмый студень
Заливаетъ холодный омракъ,
Деревянный мой сонъ непробуденъ
За струною расколотой домры.

Надъ вѣтрами Трехгорной Заставы
Треплетъ горе закатныя хляби,
Съ устья талыя пятна Лабы
Оступились худой оравой.

Покликая на сгибень боя,
Все заходитъ алой подковой
Половодье твое круговое
На поляхъ плащаницы новой.

Отъ поморья за синій Галичъ,
За полонь береговъ крутояра
Пригибается клекотъ галочь
На треногѣ сухой стожара.

Надрываютъ намъ нравы съ моря
Не благіе, не добрые маты—
Проигралъ намъ за Вислой зорю
Въ торокахъ весь мѣсяцъ щербатый.

Изъ-за черныхъ клавишъ въ коленкоровомъ переплетѣ
Взволнованно вышелъ marche militaire.
И тѣни героевъ берутъ на караулъ,
Горнисты играютъ: vive l'Angleterre!

Впереди эскадрона молодой есаулъ
Знаетъ одно слово—„наповалъ!“
— Впередъ, къ переправамъ!
На правомъ берегу день короталъ
Пикетъ на пригоркѣ, щурился мушкой.
Съ неблизкихъ холмовъ надъ ветхой избушкой
Кивалъ къ переправамъ прицѣльный сигналъ.

На стременахъ самолета привставъ,
Сдерни съ высотъ навѣсной архитравъ.

У Гельголанда отравленныхъ скалъ,
Гдѣ Эльба выноситъ плакучія воды,
Гдѣ бьется въ падучей прибой непогоды
И минный таится въ бурунахъ оскалъ,
Водила стальныя стада Аретуза.
И смерчи на крыльяхъ пришли изъ Остенде,
И смерти глаза изъ невнятной пучины
Глядѣли, какъ смертныя очи Медузы—
То были Желѣзнаго Чуда Календы.
И долго изъ мѣди качались корзины,
И жирно скрипѣли бичи Альбіона,
И грызло желѣзо, ворча, оборона.

На каждомъ перекресткѣ четыре угла
Цѣлуютъ въ губы проходящее ненастье,
И въ груды ожерелій вчерашняго зла
Бросаютъ новой невзгоды запястья.

День тонкій и гладкій, жирный какъ Живоглотъ,
Уходитъ въ рубищѣ къ святотатству Каноссы,
Заплаканная полночь надѣваетъ желтый капотъ
И передъ зеркаломъ Приходящаго расчесываетъ синія косы.

На крутомъ берегу Бѣлый Городъ;
Долговязыя пушки французскія
Разгоняли нѣмецкія чудища,
Распускали мониторы взапуски.

Бѣлый Городъ стоитъ о семи головахъ.
Захватили свахи нѣмецкія
На крутомъ берегу полоняночку
И хотятъ за Дунай ее выдати.

Обложили мадьярскія полчища
Расписные шатры бѣловерхіе,
Приходила широкая бабища
Полоняночкѣ косы раскосывать.

Да Дунаю ему за бѣду стоитъ,
Что снятымъ молокомъ не родныхъ небесъ
Бѣлы груди тоя полоняночки
Напоятъ солода задунайскіе.

Шумъ шумитъ къ Бѣлу Граду отъ Лозницы,
Бой идетъ отъ далекаго Коссова—
Разбѣгаются чуда раскосыя
За Дунай отъ Георгія Чернаго.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Знакомыя вывѣски хлопаютъ по плечу
Крылами надорванныхъ отъ истерики выкриковъ;
Уродцы съ искоркой сальныхъ огарковъ
Въ глазныхъ орбитахъ,
Флагъ, обезумѣвшій отъ долгихъ вздрагиваній,
Какъ трупъ повѣшеннаго на карнизѣ крыши,
Мелкія холодныя вши
Тоски до безпамятства,
И трепетъ ланій
Впавшаго въ дѣтство
Сердца.

Опавшія плечи, озленные локти.
У всѣхъ во взглядахъ: „Ахти мнѣ, убогу!“
Тонка волынка поэта.
Скрещенныя шпаги пашенъ
Заводятъ вплотную съ полудня
Ледоходъ оплывшихъ надеждъ.
И—смерть отъ кровоизліянія
Грозитъ нашей нѣжной любви—
Шепчутъ пѣшекъ
Сердца.

Прапорщикъ, прапорщикъ,
Твои глаза татуированы ночною атакой,
Ты гордый!
У тебя красный темлякъ.
Земля и озерныя воды
Стянулись на темени форта;
Парное рыжее сусло
Поило тугіе прозоры

Вѣренъ врагъ—
Въ полночь раздалася аорта,
По волнамъ золотистаго свѣта
Заплясали волчки-луидоры.
Мутно рѣчное русло.
Ты мальчикъ!
Не стало люнета.

А у насъ не слышна канонада—
Живемъ мы тихо и мирно,
Бренчитъ у насъ голосъ лирный
Подъ каждымъ окномъ серенаду.

У насъ напряженный мускулъ
Не лопнетъ отъ жара орудій—
Лишь дней разворочены скулы,
Да тучъ разорваны груди.

Желѣзное чудо на скользкихъ тросахъ
Спустилось поспѣшно изъ облакъ на землю.
И вотъ я, растерзанный, внемлю
Сопящую поступь по вспыхнувшимъ росамъ.

На сердце косясь съ жеребячей повадкой,
На грудь наступая горѣлымъ копытомъ,
Оно утираетъ мнѣ слезы украдкой,
Украдкой гудитъ надъ душой о забытомъ.

Дѣвушка !—я радъ тебѣ.
Пускай твои уста, какъ челюсть цынготнаго,
И кожа щекъ твоихъ, шурша, шелушится,
Какъ у свѣже набальзамированной мумiи.
У меня сердце нагое,

А твои глаза не глубоки и въ нихъ не страшно,
И объятья твои бездонны,
Холодныя, какъ ледяныя проруби
На рѣкахъ моей родины.

Въ локонахъ, въ локонахъ, завитыхъ такъ густо,
Въ папильоткахъ, пожалуй, не зимнихъ отсвѣтовъ
Разыгралась чугунная пустынь
На гигантскихъ шагахъ завѣтовъ.

Сутолока, лихая плясунья,
Сверкая колѣнною чашкой,
Громыхаетъ протяжно и тяжко
На обѣ стороны дня.

И какъ-то никто не знаетъ,
Что рокъ не играетъ въ фанты,
Что подъ кофтой милой инфанты
Песъ обозленный лаетъ.

Что городъ, хрипя мокротой,
Слѣпой, какъ кротъ кропотливый,
Склонясь подъ крыломъ пилота,
Сѣчетъ не мечемъ, а крапивой.

Отпрянувъ отъ своры зазорной,
Оскаля гнилые зубы,
Полощетъ поэтъ озорной
Въ водостокахъ мертвые чубы.

Просачиваясь изъ кляксы тумановъ,
Качаются на цыпочкахъ похоронныя процессіи —
Развѣ сонъ этотъ новъ
Москвѣ и Россіи?

Оттепель сморкается въ полу гололедицы,
Слюнявитъ разбитою челюстью отечные леденцы;
Улицы грязныя рученки въ дырявыхъ митенкахъ
Капризно полощетъ въ теплыхъ слезахъ.

ЭПИЛОГЪ.

Дерзятъ мои тяжкія губы,
Тускнѣя свинцовымъ оплевомъ,
Занашивать кровную убыль,
Запрашивать клепанымъ словомъ
Поклепы, прогоны, протори.
Насъ братскій сличитъ крематорій
Въ жару пепелящаго гнета.
И наша святая вендетта,
Сгорая римской свѣчою,
Всплыветъ ладьей грозовою,
Пройдетъ отъ брега до брега...
И ждать намъ осталось не долго—
Засмѣется красавица Волга,
Загруститъ печально Онега.

Ц. 50 к.

Тип. „СИНЕМА“, Москва.